

воскресенье, 17-го января 1910 г.

ИЗДАНИЯ ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

Воскресенье, 17-го января 1910 г.

РУССКОЕ СЛОВО

№ 13

Подписка съ доставкой и пересылкою:

На год . . . 7 р.—к. | На 3 года . . 2 р. 25 к.
На 1/2 год . . 4 р.—к. | На 1 . . . —р. 50 к.

За доставку адрес указывается 25 к., съ порос-
кою на загородный — 50 коп.

РЕДАКЦИЯ:

МОСКВА, Тверская ул., д. 7-на Н. Д. Сытина.
Телефонъ № 27-22.

Редакция для приема объявлений — съ 4 до 5 час.
Гривенки, на окраинах, редакций не имеют, не принимается.

КОМПОЗИТОРЪ:

МОСКВА, Тверская ул., д. 7-на Н. Д. Сытина.
Телефонъ № 22-23 и 28-27.

Композиторъ открыт съ 9 час. утра до 5 веч.
Телефонъ телеграфа № 15-23.

ОБЪЯВЛЕНИЯ:

Первая строка — 40 к., вторая
строка — 40 к. за каждую строку.
Старшая редакция 1 р. 25 к.

Прислуга и лица, которые труды — 50 к. за разъ при
разборъ на блате 2-е строкъ.

№ 13

ЦЕНА № 13 МОСКВЫ 3 К.
Трехкопеечная в 100 экземплярахъ 3 К.

ЦЕНА № 13 МОСКВЫ 3 К.
Трехкопеечная в 100 экземплярахъ 3 К.

ЧЕХОВУ 50 ЛѢТЪ.

Сегодня Антону Павловичу «стукнуло» бы 50 лѣтъ.

Это былъ бы большой праздникъ для его старушки-матушки, для всей его семьи, праздникъ для его друзей.

Читатели съ еще большей нѣжностью вспомнили бы сегодня писателя, котораго всѣ любили.

Самъ «виновникъ торжества» напустилъ бы на себя мрачность и бурчалъ:

— Еще «маститыгъ» назовутъ. Чему обрадовались? У меня жена молодая, а они меня старикомъ дѣлаютъ.

Онъ получилъ бы много привѣтственныхъ телеграммъ.

— И чего деньги тратить!

И нѣсколько дружескихъ писемъ...

Его правиломъ было:

— Не отвѣтить на письмо—это все равно, что не подать руки, когда вамъ протягиваютъ руку.

И послѣдній на Руси человекъ, умѣвшій писать письма,—отвѣтилъ бы нѣсколькими письмами, милыми, длинными, полными добрыхъ улыбокъ.

Прибавилось бы еще нѣсколько очаровательныхъ:

— Чеховскихъ писемъ.

Въ этихъ письмахъ онъ рассказывалъ бы о «днѣ своего пятидесятилѣтія» съ такимъ же юморомъ, съ какими на слѣдующій день послѣ первого представления «Вишневаго сада» рассказывалъ о «чествованіи» въ Художественномъ театрѣ.

— Вышелъ Непривитъ и говоритъ: «Многоуважаемый Антонъ Павловичъ», Точь-въ-точь какъ Станиславскій только-что говорилъ на сценѣ: «Многоуважаемый шканъ».

Или про какого-то говорившаго рѣчь сибиряка.

— Вышелъ неизвѣстный. Рыжій. Лично красное. Рукой машетъ. Говоритъ: «Мы васъ сейчасъ...» Думаю: можетъ, пьяный. Какъ начнетъ онъ сейчасъ «юбиліара» переходъ въѣмъ заломъ «вотузить»!

Къ обѣду собралось бы нѣсколько друзей.

Кто-нибудь сказать бы:

— А я совсѣмъ не знаю о васъ, Антонъ Павловичъ, вотъ этого эпизода...

— Гдѣ вы это прочли?

— Да въ газетахъ сегодня пишутъ. Чеховъ сдѣлалъ бы страдальческое лицо.

— Голубчикъ! Не вѣрте тому, что обо мнѣ въ газетахъ пишутъ! Одинъ разъ только правду и напечатали. Какъ-то, что я уѣхалъ изъ Ялты. Я тогда, дѣйствительно, уѣхалъ изъ Ялты.

И сдѣлалъ бы хитрое лицо, и подмигнулъ:

— Пить! Интересно, что сегодня въ Одессѣ пишутъ! Одесскіе Шмули обо мнѣ особенно хорошо пишутъ!

Такъ онъ звалъ всегда одесскихъ репортеровъ.

И затѣмъ обѣдъ.

Одинъ изъ прелестныхъ, милыхъ и вкусныхъ обѣдовъ у Чеховыхъ.

Старушка-матушка Антона Павловича все время безпокоилась бы и съ настоящей тревогой поглядывала на тарелки гостей.

— Да вы, право же, ничего не кушаете!

И говорила бы дочери:

— Машенька, положи ихъ еще кусочекъ. Они совсѣмъ ничего не взяли.

Антонъ Павловичъ гудѣлъ бы баскомъ:

— Вы еще рюмку водки выпейте и ветчиной закусите. Ветчиной. И съ огурцомъ. Въ Москвѣ въ трактирахъ всегда ветчину къ водкѣ подаютъ. «Казенная закуска». И огурецъ не надо чистить. Огурецъ, если его очистить,—это? Соленая вода. Надо непременно съ кожей.

И гости чувствовали бы себя въ гостяхъ у «старосвѣтскихъ домѣшниковъ».

И вспоминали бы о Гоголѣ, сидя у Чехова.

Самъ Чеховъ тоже пригубилъ бы шампанскаго, бутылка котораго непременно появилась бы по случаю «торжества» и «юбилея».

Но гдѣ происходило бы все это? Какъ гдѣ?

Въ Ялтѣ.

Чехову надо было жить въ Ялтѣ. У него въ Ялтѣ была дача.

И садъ, который онъ самъ посадилъ. Который онъ такъ любилъ.

Гдѣ человекъ сталъ бы праздновать день своего рожденія?

— У себя дома, на своей дачѣ.

Вопросъ!

Къ какой партіи принадлежалъ бы Чеховъ?

Вѣроятно, ни къ какой.

Но «внутренно»?

Къ какой бы партіи принадлежалъ душой?

Вспоминается Чеховъ въ послѣднее ялтинское свиданіе.

Онъ выходитъ изъ спальни съ только-что полученнымъ, на тонкой, «папирсной» бумагѣ, номеромъ «Освобожденія».

Кто бы, въ послѣдніе годы, не приѣзжалъ къ нему,—одинъ изъ первыхъ вопросовъ онъ задавалъ:

— А какъ вы думаете? Скоро у насъ будетъ конституція?

Или говорилъ, какъ положительно ему извѣстное:

— А знаете? У насъ скоро, скоро ужъ будетъ конституція.

Онъ видѣлъ ея близость во всемъ. Рассказывалъ о старомъ петербургскомъ издателѣ, котораго Плеховъ пригласилъ къ себѣ:

— Все, что говорится въ этомъ кабинетѣ,—здѣсь должно и умереть. Скажите мнѣ прямо, откровенно. Что, по вашему мнѣнію, нужно для Россіи?

— Нужно?... Конституцію.

И Чеховъ выводилъ:

— Ужъ если министры могутъ слышать про конституцію... У насъ скоро, ужъ скоро будетъ конституція.

Въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ чувствовалъ онъ ея близость.

И повторялъ беспрерывно, однообразно:

— У насъ скоро будетъ конституція! Какъ нѣтухи понять переходъ разсвѣтомъ.

Не стоитъ эта партія такого подарка.

Но «душой» Антонъ Павловичъ Чеховъ былъ бы кадетомъ.

— Тайнымъ кадетомъ.

Большое преступленіе предъ Думбадзе.

18-го октября 1905 года пошелъ бы, кутаясь въ драповое пальто, Антонъ Павловичъ на набережную взглянуть на опьянѣвшихъ отъ радости своихъ «хмурыхъ людей».

И съ доброй улыбкою, сидя на скамеечкѣ у книжнаго магазина Синани, слушалъ бы ихъ «пьяныя пѣсни».

Мало ли какихъ еще «преступленій» надѣлалъ бы онъ.

И прощай, Ялта, дача, солнце, тепло.

Чеховъ былъ бы высланъ изъ Ялты.

Какъ «вылетѣли» сотни другихъ, десяткомъ его друзей.

— За кадетизмъ.

— За тайный кадетизмъ.

И пятидесятилѣтіе пришлось бы праздновать въ Москвѣ, не знаю гдѣ, но только не въ Ялтѣ.

И переходъ этимъ ударомъ,—высылкой, сколько другихъ ударовъ для нѣжнаго, теплившагося любовью сердца...

— Конституція!

— Пить-съ, высылка.

Блаженны Симеоны, не дожившіе до Свѣтенія.

В. ДОРОШЕВИЧЪ.